

Цзюнь Цзюлин.

Глава 226.

Все произошло так внезапно, многие потеряли дар речи.

Очевидно, что сам этот допрос, был не совсем хорошим способом узнать правду. Но, справедливости ради можно сказать, средства принуждения или искушения, применяемые Фан Чэньюем не являлись чрезмерными, если называть это пыткой.

Они сделали бы то же самое, если бы сами вели допрос и гораздо жестче.

Единственное, что является чрезмерным, - это личность Фань Чэньюя, он был пострадавшее лицо, и к тому же гражданское. Но все эти - же префекты позволили это, и, молча, дали свое согласие.

Однако они не ожидали, что в этой пытке человек признается, и в завершение это приведет к его гибели. Его кровь все еще течет, и человек, который только что говорил, мертв. Прямо на глазах у этих чиновников он был убит с помощью подростка обычным ножом.

Сун Юньпин находился рядом с мертвым и кричал без остановки.

Все сидевшие чиновники вскочили со своих мест, все они были очень удивлены.

Фан Юйсю протянула руку, чтобы прикрыть рот и перекрыть крик ужаса, готовый вырваться из ее рта, а ее глаза заливал холодный пот, который стекал по лбу. Миссис Фан тоже находилась в глубоком шоке.

Никто не думал, что Фан Чэньюй собирается убивать, тем более, что сам обвиняемый сможет убить себя. Бабушка крикнула и призвала к убийству, и конечно, она хотела, чтобы Ли Каунти умер, но только потому, что она никогда не могла подумать, что он это сделает. Но если бы она стояла рядом с ним, она непременно это сделала бы!

Однако, Чэн Ю....

Он болел уже почти десять лет, сидел дома, как заключенный, который провел в тюрьме целых десять лет, а Чэн Ю исполнилось всего четырнадцать лет. Она не думала, что он будет так чист, в своих помыслах, в отличие от нее. Нет, он более гибкий, чем ее тяжелая рука.

Ее сердце тревожно бьется, почему Ли сам сделал это?!

И с таким внуком ей все еще есть о чем беспокоиться. Она всегда думала, что этот внук, которого дал ей Бог, дан для страданий, но это был дар и сокровище одновременно! Слезы миссис Фан внезапно хлынули из глаз.

«Чэнью!» - она закричала и бросилась к нему. Фан Чэню поддержал ее и сделал несколько шагов навстречу. В руке у него все еще был нож, а лицо было в крови. Миссис Фан смотрела на него и плакала вместе с Фан Чэньюем.

Солдаты, с мечами в руках, молча, стояли плотным щитом на страже перед чиновниками.

«Это невиданная наглость, он осмеливался на убийство!» - чиновники кричали, перебивая друг друга: «Возьмите его под стражу!»

Но солдаты не двигались, что заставило чиновников, которые кричали, немного смутиться, они вопросительно смотрели на Ма Чжинфу. Конечно, Ма Чжинфу больше не мог просто сидеть и молчать, он сказал: «Как он мог кого-то убить? Он даже не взрослый!»

Это первое предложение, которое он сказал после того, как вошел в это помещение. Хотя это звучит как вопрос, его тон унылый, и в нем нет гнева. Не говоря уже о том, чтобы применить свои полномочия и приказать солдатам арестовать этого человека.

Фан Чэньюй все еще держал нож в одной руке и ласково похлопывал старую леди другой рукой и сказал он со злостью и гневом: «Бабушка, не расстраивайся, он во всем признался, я тоже ненавижу его за смерть своего дедушки!»

Когда он услышал вопрос Ма Чжинфу, он помог старой леди присесть на корточки, он поднял глаза и вдруг разрыдался: «Теперь я не ребенок!»

Эта внезапная перемена шокировала всех этих чиновников. Очевидно, что для принуждения к признаниям в возможном убийстве людей, здесь применен комплекс пыток при помощи ножа. Его лицо все еще залито чужой кровью испуганного мертвеца, и внезапно он становится похожим на жалкого ребенка.

Это изменение было ошеломляющим: «Я действительно ненавижу это, но в моей семье пострадали три поколения. Сколько людей убито до меня? О, мои глаза сегодня наконец открылись, и я знаю правду!»

Фан Чэньюй уже выплакал все свои слезы, он выдохнул и сделал несколько шагов вперед. Но, потому что у него в руке все еще нож, этот нож все еще в крови, поэтому чиновники не имеют право просто так отступить. Это похоже на безумие в состоянии скорби, но убивать человека это тоже жестоко, а сопротивляться и бунтовать еще хуже.

«Заберите у него нож! Возьми его нож!» - чиновники кричали, а некоторые из них даже блокировали Ма Чжинфу. Сцена снова была хаотичной. На этот раз Ма Чжинфу решил сделать первый шаг и солдаты по его приказу у Фан Чэньюя забрали нож, но его самого не стали беспокоить.

Ма Чжинфу не запаниковал, он просто сделал следующий шаг и спокойно спросил, а его голос был еле слышен: «У вас есть огромная обида, но вы давили на человека и позволили ему воспользоваться ножом при допросе! Вы также сказали, знаете правила страны и закон, зная, что такое национальный закон, почему вы захотели таким незаконным способом установить истину? Независимо от закона, вы также совершили преступление, которое повлекло за собою смерть!»

Фан Чэньюй плакал, и сквозь слезы прокричал: «Я знаю национальный закон!»

Он поднял глаза: «Но за десять лет вражды, трагическая смерть отца моего отца, мои десять лет болезни, моя злоба другие мои чувства действительно заставили меня сделать это. Я просто хотел, чтобы моим врагам стало трудно, есть мою кровь, и пить ее!»

Когда он сказал это, то повернулся, хлопнул дверью и бросился обратно к начальнику округа Ли, который был привязан к колонне и уже был мертв. Но выражение лица Ли настолько исказилось, слезы смешались с кровью, руки широко раскрыты, и, казалось, что он,

действительно, ел людей.

Сун Юньпин, принимавший заказы и выполнявший все поручения Ли, снова закричал.

«Остановите его, остановить его!» - испуганные чиновники тоже кричали.

А Госпожа Фан уже бросилась вперед, обняла Фан Чэньюя и воскликнула: «Чэньюя, ты отомстил за нас, ты сделал это все, чтобы отомстить за твоего дедушку!»

Фан Юйсю тоже примчалась в это же время и крики женщин в камере внезапно пробудили совесть всех остальных. Глядя на эту сцену, солдаты даже не пошевелили рукой, чтобы схватить Фан Чэньюя, чиновники также нахмурились очень раздраженно.

«Мы не могли позволить пострадавшей стороне участвовать в пытке, его зловещая ненависть привела к такому результату!» - кто-то из чиновников покачал головой и продолжил: «Теперь человек мертв и как мы это объясним?»

«Да, такое большое дело потребовало столько усилий, мы усиленно патрулировали две дороги, все это было похоже на мятежное событие. Теперь это дело закрыто, и мы не можем никого по нему допросить. Как мы это объясним?»

Такого рода дискуссии были очень громкие и раздавались со всех сторон.

Ма Чжинфу повернулся и презрительно посмотрел на них, дискуссия сразу же прекратилась.

«Как объяснить?» - он сказал: «Очень просто! Да, для этого были мобилизованы две команды солдат. Но за более чем десятилетие злобная ненависть унесла почти три жизни. Свидетельствами людей это все доказано, преступник признался. Разве он не мог покончить с собой?»

Присутствующие чиновники увидели все это с другой стороны. Но разве это нормально?

Ма Чжинфу продолжил и указал на этих трех родственников, которые вместе плакали, сидя на земле и обняв друг друга: «Посмотрите, целых три поколения отца и сына, это действительно ужасно! Кто может представить все это для своих родных? И все это длилось бы в течение более десяти лет?»

После этого он посмотрел на магистрата округа Ли, который уже умер.

«Эти злые люди и для них нет такой вещи, как ребенок, и официально чиновник имеет право решать вопрос по закону и наказать их! Позвольте мне решить это, ну а Сун Юньпин остается в тюрьме!»

Затем он вышел.

Чиновники посмотрели друг на друга и решили что это тоже возможный и законный способ, кто - то прошептал: «Хорошо, это подойдет!»

Естественно, это относилось и к просьбе принимающей стороны мобилизовать войска и лошадей, и поскольку в то время они согласились, то, естественно, оказали тем самым огромную услугу в раскрытии мятежа и семья Фан смогла вздохнуть с облегчением.

Чиновники понимали, что им нужно следовать этой логике, но некоторые люди хмурились. Это казалось им не совсем правильным. Действительно ли это случилось только потому, Ли Каунти

приказал сам себе, но и старая леди в этот момент крикнула: «Убейте его!»

В этот момент рука мальчика дрогнула или сама опустилась?

Ма Чжин Фу оглянулся на трех родственников, которые все еще рыдали. Седовласое лицо, черноволосое лицо и детское, они плакали, обнявшись, это была самая невыносимая сцена. Но, не нужно было забывать, что они являются хозяевами Дэшенга Чанга и лучшими людьми в Шаньси.

Это очевидно, что судья округа Ли действительно составил план уничтожения для этой семьи. Причина заключалась в том, чтобы заглянуть в секреты семьи Фанга. Эта тайна, безусловно, является причиной богатства семьи Фанга, и всех несчастий, и об этой причине не следует говорить на публике!

Эта вражда с одной стороны могла способствовать убийству людей и теперь разве не все узнали об этом? Чиновники огляделись по сторонам и посмотрели на Ма Чжинфу, он ушел далеко вперед. Эти люди всегда смотрят на других и пытаются не быть глупее, все они молчат, и почему они тоже не могут уйти, ведь преступник уже мертв, и, наверное, уже отправился в ад. Они чинно кашляли, и, разглаживая свои лбы, следуя друг за другом. Чиновники ушли, а солдаты упаковали голову Ли Сяньлина и посмотрели на Юньпина.

«Это не мое дело. Я был проинструктирован Ли Сяньхуном!» - теперь, когда Ли Каунти мертв, и все грехи можно свалить на него, Сун Юньпин кричал в истерике, пытаясь оправдать себя. Вскоре и солдаты ушли, и голос Сун Юньпина постепенно затих, а в тюрьме снова стало тихо и холодно.

Фан Чэнью поднял глаза, он уже не плакал, и, вытирая слезы на своем лице, выражение которого стало спокойным и умиротворенным, он сказал: «Бабушка, вторая сестра, не плачьте! Теперь мы должны посмеяться!»

<http://tl.rulate.ru/book/6355/1676592>